

ЗАСЛОН

×

Литрес

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

ЯНТАРНЫЙ РАССВЕТ

АЛЕКСАНДР ХИТРУНОВ

Александр Хитрунов

Янтарный рассвет

«Автор»

2026

Хитрунов А.

Янтарный рассвет / А. Хитрунов — «Автор», 2026

Повесть о мире, где войны постепенно остаются в прошлом, уступая место взаимовыгодному сотрудничеству, но человечество еще не полностью рассталось со свойственным ему эгоизмом. Боевой отряд Союза свободных федераций, направленный на помощь дружественному государству, сталкивается с загадочными обстоятельствами и применением непонятных технологий. Им предстоит выяснить, что же произошло на далеких Маркизских островах, и разрешить кризис. А поможет в этом девушка с необычным именем, которая сможет объединить разумы машин и человека воедино.

© Хитрунов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. Янтарь	13
Глава 3. Мордор	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Хитрунов

Янтарный рассвет

Глава 1. Прибытие

Эскадра Союза Свободных Федераций шла в ночи по простору Тихого океана, двигаясь к своей цели медленно и неотвратно. В центре находился огромный титан, корабль-база полуподводного размещения «Федор Апраксин». Несмотря на название, под водой находилась далеко не половина его, а намного, намного большая часть. Подобно дрейфующим айсбергам, его надводная рубка с палубой были лишь малой деталью этого гиганта, а основные помещения находились в глубине, под толщей воды. Технику такого класса строили только в ССФ, и товар это был штучный – помимо «Апраксина», существовало всего две подобных базы.

Это был самый настоящий ковчег, в стальном брюхе которого могли укрыться сотни единиц разнообразной техники, не говоря уже о десятках тысяч пассажиров. А его атомное сердце обеспечивало автономный запас хода на десятилетие вперед без необходимости смены топлива. В общем, если задуматься, сама идея создания подобной плавбазы поражала. Несмотря на свою универсальность и возможность перевозки из одной точки в другую целого небольшого города, «Федор Апраксин» использовался в основном для миротворческих миссий ССФ. По сути – в военных целях. А посему ему требовался эскорт и защита.

Корабль-базу сопровождали в этом пути четыре многофункциональных эсминца и две подводные лодки, которые были его глазами и ушами, но главное – щитом и мечом. И это несмотря на то, что и сам «Федор Апраксин» был далеко не самой легкой целью. Эскадра ССФ недвусмысленно показывала любому врагу, что ее лучше обойти или облететь за несколько десятков километров. А лучше – за несколько сотен. Впрочем, официально врагов здесь у них не было и быть не могло. Но официальная информация не всегда отражала реальное положение дел. Ведь иначе им бы не потребовалось двигаться к Маркизским островам, у которых тоже не было никаких врагов. Не было – официально.

Реально же Маркизские острова, восемьдесят лет назад после Великого Передела получившие независимость как от Франции, так и от Французской Полинезии, не отправили бы в ССФ просьбу о помощи, коль им ничто бы не угрожало. Конечно, Союз отделяло от глубинки Тихого океана огромное расстояние, но дело было в том, что современный строй островов был целиком и полностью сформирован при его участии. Не будь коренное население приверженцами независимой жизни (теперь реально независимой – ни от туризма, ни от снабжения; современные технологии творили чудеса), они бы давно стали частью ССФ. Однако договор о взаимовыручке между ними никто не отменял.

На палубе «Федора Апраксина», нарушая ночную тишь, взвыли предупредительные сирены. Это означало, что весь персонал, находящийся снаружи, должен срочно ее покинуть. Естественно, снаружи имелись камеры системы мониторинга и обнаружения, которые, заметив движения на палубе, подали бы об этом сигнал дежурному, блокировав до его прямого вмешательства все остальные манипуляции. Палуба была совершенно пуста, но сирена все равно выла, предупреждая о готовящемся действе. Таков был порядок.

Под этот звук палубные грузовые ворота корабля, похожие на гигантскую пасть, раскрылись, и из них вверх с пронзительным высокочастотным шумом поднялся летательный аппарат, похожий на огромную стальную стрекозу с короткими крыльями. Поднявшись примерно на полкилометра вверх, он завис в воздухе, будто чего-то ожидая. И ждать ему долго не пришлось.

Еще одна стрекоза-монстр, а затем еще и еще, звеня, вырывались из чрева плавбазы и устремлялись ввысь. Всего их оказалось пять. Они все зависли над материнским кораблем,

на расстоянии примерно двухсот метров друг от друга. Две спереди и три позади, образовав треугольник со срезанной вершиной. И только тогда грузовые ворота внизу закрылись, а сирена утихла.

— Прошу доложить, — потребовал начальник отряда.

— Второй в норме, техника штатно, — доложил один из ведомых.

Следом откликнулись еще трое – по такой же простой форме. У них тоже все было в порядке, без проблем. Это был стандартный вопрос, и ответы были стандартными. Никто не выпустил бы их на задание, будь хотя бы подозрение на неисправность «Клыков», но случилось всякое. Только поднявшись в воздух, подключившись и почувствовав аппарат, можно говорить о норме, когда цена ошибки – не только собственная жизнь, но и жизни товарищей. И не только их.

Командира отряда «Клыков» звали Владимир Кубанов, и это было не первое его подобное задание. Собственно, он знал эту технику и ее возможности как свои пять пальцев. Но сейчас миссия их была особенно важна. Во-первых, потому что с ними был вновь вернувшийся в строй Паша. Как парень выполнит свое первое в подаренной ему новой жизни задание, было важно не только для него одного. И, во-вторых, это был их первый вылет с мехэмпатом. На этом настаивала комиссия, одобрявшая возвращение Павла в строй. И, в принципе, применение мехэмпатов сулило интересные перспективы. Единственное, что напрягало Володю Кубанова в сложившейся ситуации, – что их новый товарищ – девушка. Все же не женским делом они занимались.

— Яна, ты в норме? Как там ЗАСЛОН? — задал вопрос командир, сам не понимая зачем. Протокол подобного не требовал, а статус готовности к работе ЗАСЛОНа он сам прекрасно мог посмотреть, как и раньше, на своем телемониторе.

— Я в полном порядке. ЗАСЛОН работает, не вижу причин для волнения, — ответила Яна.

Это был ее первый боевой вылет. Она познакомилась со своей командой три недели назад (две из которых были «обкаточными»), так что эти люди не были для нее незнакомцами. Девушка прекрасно понимала, с кем и как общаться, о кого что ожидать. Но одно дело – неформальное, веселое и часто шутливое общение в быту, а совсем другое – во время боевого дежурства. К последнему она еще не привыкла и даже не знала, насколько официально должен звучать ее ответ начальнику. Ведь он все тот же Володя (сразу отучивший ее от «Владимира Геннадьича»), с которым они вчера играли в дартс, но совсем в другой роли. А значит, надо держаться каких-то рамок. Но каких? Специально ее ничему такому не учили. А так как мехэмпаты не были пилотами и не имели для этого подготовки, то и внутренний летный протокол до них не доводили.

— Все будет хорошо. Все будет отлично, лучше, чем на тренировках, — сообщил Володя, непонятно кого больше убеждая – себя или девушку. — В конце концов, пилот у тебя классный, в обиду не даст.

В рубке «Клыка» могли находиться двое пилотов, но обычно обходились одним – ситуация большего не требовала. С функцией второго пилота прекрасно справлялся ЗАСЛОН – автоматизированная система координации отряда, работающая на основе искусственного интеллекта. Вернее, даже двух ИИ, один из которых занимался лишь обчислением текущей боевой ситуации, а второй исполнял коммутативные функции, как персональный помощник каждого из пилотов. Такое совместное применение ИИ сильно увеличивало скорость принятия решений. А для того, чтобы эти решения были не только быстрые, но и правильные, и нужен был мехэмпат. Мехэмпаты сами не пилотировали, поэтому для них отводилось кресло второго пилота, обычно пустующее. В их отряде это кресло было в головном «Клыке» рядом с майором Кубановым.

— Паша, ты как? Как состояние, ощущения? Только честно скажи мне! — попросил Кубанов, когда обмен протокольными фразами был окончен.

— Я в норме, Володь. Все просто отлично, все как и раньше, никаких проблем. Это честно, — ответил ему Павел Смирнов, пилот пятого «Клыка». Они учились вместе в академии, были знакомы уже лет четырнадцать. Все эти годы дружили и служили вместе, они и еще Дитер Хойслер. Только чуть позже к ним присоединились Илья, а затем и Петр, окончательно составив их больше не менявшуюся годами боевую пятерку. Почти десятилетие, не считая последних двух лет. Но в этих двух последних годах и была вся соль.

— Отлично! Группа, следуем за мной в выделенном эшелоне полета на крейсерской скорости. Наша цель – Маркизские острова. Нам потребуется около трех часов, чтобы добраться до цели. «Федор Апраксин» с конвоем прибудет на место примерно через пятеро суток, за это время мы должны подготовить местных к его прибытию, осмотреться на островах, закрепиться и оценить ситуацию, по необходимости – начать исследование. Или расследование, не знаю уж. Но это не учения и вряд ли ложная тревога.

— Коалиция? — спросил прямо Илья.

— Похоже на то. Но выводы делать рано. Выводы будем делать на месте. В путь.

И отряд из пяти «Клыков» ринулся ввысь, сквозь редкие облака. Вскоре силуэт надводной части «Апраксина» стал лишь еле различимой точкой на поверхности воды, почти незаметной во тьме, не освещаясь он палубными прожекторами. А потом, когда боевые аппараты легли на курс, и вовсе растаял вдали. Боевые аппараты – название, вроде бы, довольно примитивное, но полностью отражавшее сущность «Клыков». Это были совсем не самолеты, а что-то наподобие летающих штурмовых установок, хорошо защищенных, универсальных и смертоносных. На борту каждого из «Клыков», помимо современного вооружения нескольких типов, имелся продвинутый радиолокационный комплекс РЛК РОП, выявляющий любую из известных угроз и детально распознающий все их компоненты. Но распознать врага было мало, надо было осуществить его нейтрализацию максимально эффективным способом, при этом нанося минимальный ущерб возможной окружающей инфраструктуре и гражданским. А вот для этого существовала система ЗАСЛОН – главная гордость войск ССФ.

Первая версия ЗАСЛОНа появилась еще до рождения Вовки Кубанова, он очень хорошо помнил, как об этой автоматизированной системе рассказывали по телеку как о незаменимом помощнике войск ССФ. И он с другими мальчишками даже применял его в своих играх, даже не понимая до конца, что это вообще такое. Просто при включении ЗАСЛОНа самолеты (тогда они еще использовались в военных целях, хотя эра боевых аппаратов наступала семимильными шагами) летали быстрее, солдаты стреляли точнее, а танки (которые тогда уже больше не выпускались) превращались в несокрушимые крепости. Как-то так они представляли себе действие подобной системы. На самом деле ЗАСЛОН являлся системой объединения нескольких боевых машин в одно целое, решая задачи по их применению комплексно с помощью собственного ИИ. Этакий военный ассистент. Самолеты он не ускорял и не делал танки крепче, но позволял использовать их намного более эффективно, даже в первой своей версии.

В настоящий момент использовалась уже пятая версия ЗАСЛОНа, которая не шла ни в какое сравнение с той, самой первой, и была намного более продвинутой. Кто-то, не особо знакомый с армейскими реалиями, даже любил подшучивать, что солдаты и офицеры – это рудименты, ведь ЗАСЛОН прекрасно справится и без них. Какая-то часть истины в этом была, но весьма небольшая. Потому как полностью автоматизированные боевые системы, когда-то являющиеся мечтой всех инженеров, до сих пор являлись лишь мифом. Нет, в их создании не было ничего невозможного, отнюдь, военная робототехника давно стала реальностью. Но практика показала, что там, где роль человека сводилась к минимуму, эффективность техники резко снижалась. В итоге все закончилось появлением мехэмпатов.

— Коалиция? — спросила командира Яна, когда они уже легли на курс. — Имеется в виду Коалиция Процветания, я правильно поняла? Неужели они настолько агрессивны? Я не очень хорошо в этом разбираюсь.

— Гм... да? — крикнул Володя, а потом обратился к остальным членам отряда по связи. — Наш мехэмпат не в курсе за Коалицию Процветания. Паша, как так вышло, а? Твоя недоработка.

— Не совсем моя, — ответил Павел. — Ты же в курсе, что понятие «вероятного противника» из программы вообще убрали?

— Как так убрали? Впервые слышу!

На самом деле Володя Кубанов лукавил. Он не касался процесса обучения молодежи, но вполне знал, что в современной доктрине развития вооруженных сил ССФ понятие «вероятного противника» больше не встречалось.

— Вот так. В доктрине больше не фигурирует «вероятный противник». Его заменили на «угрозу безопасности». Считается, что в современном обществе больше не должно быть никаких назначенных противников, иначе мы рискуем застрять на месте, в прошлом. Развитие цивилизации должно идти не только в техническом, но и во всех остальных планах, поэтому никаких больше вероятных противников. А вот угрозы никто пока не отменял.

— Класс. Получается, мы тут мамонты собрались? Нас-то учили, что есть «вероятный противник». И главный из них – Коалиция Процветания.

— Нет, — Яна замотала головой. — Нас такому не учили. Только говорили, что Коалиция может быть... недружественной.

— Именно, — вторил ее словам Паша. — Нас с тобой учили, что Коалиция – наш вероятный противник. Теперь этого больше нет. Да и особо они не лезут никуда, если честно. Странно, что замахнулись на Маркизы.

— Странно. Поэтому будем выяснять, что им там надо. Если это вообще они, — буркнул Володя.

По поводу того, что Коалиция Процветания в последние годы особо себя не проявляла, Павел был прав. Раньше у них имелись периодические конфликты с силами ССФ, было время – почти не прекращающиеся. Группа Кубанова дважды принимала участие в стычках с Коалицией, и последний раз был лет пять назад. С той поры времени уткнуло немало, и противник более не давал о себе знать. Может, это и не они вовсе были. Мир ведь имел свойство меняться, и хотелось бы надеяться, что к лучшему. Хотя всякое случалось. Никто, скажем, и подумать не мог, что атака на картель наркоторговцев может привести к тому, что произошло два года назад...

Коалиция Процветания. А ведь красивое, по сути название, поэтичное даже. Если бы под этой изящной фразой не маскировалась ее убогая, звериная сущность. Это было то еще сборище. Два десятка стран, хотя, скорее, после Великого Передела, осколков стран, прочно застрявших в своем морально-политическом развитии далеко в прошлом. Главное, что они декларировали, – это достаток и процветание для своих граждан, но только не упоминали в открытую, что подобного процветания они планировали достичь за чужой счет. Процветание же всех остальных, взаимовыгодное сотрудничество ни капли их не интересовало. Коалиция Популистов – вот как их стоило бы назвать. Несколько крупных агломераций, подобных ССФ, составляли основные мировые силы и относились к друг другу если не по-дружески, то как минимум – со спокойным нейтралитетом. Но были и мелкие образования, наподобие Маркизских островов, которые предпочли полную свободу и независимость. В современном мире их было больше трех сотен. И именно на таких государствах и продолжала паразитировать Коалиция Процветания.

Лишь одно оставалось непонятным – что вообще Коалиция забыла на Маркизских островах? Там не сохранялись богатые залежи природных ископаемых – нефти, металлов и прочего,

других стратегических ресурсов тоже не имелось. Это было вообще специфическое место, представляющее лишь историко-культурный интерес. И с историей, и с культурой у Коалиции Процветания все было не очень, но данные пробелы заполнять они не стремились – их приоритеты были более земными, «мясными». Кто знает, может, это и правда были не они?

Два часа полета прошло незаметно, даже как-то скоротечно, по крайней мере, по мнению Яны, штудировавшей все это время на экране телемонитора историю Маркизских островов с момента Великого Передела. Это был далеко не первый ее вылет, но первый – боевой, по-настоящему ответственный. И в моменте, когда никаких задач перед ней не было – еще не было, девушка пыталась сфокусироваться на чем-то, отвлечься от тягучего молчания командира, чтобы не нервничать. Изучение пункта назначения было тут вполне уместным.

Они двигались на юго-восток, прямо навстречу рассвету, и небо на горизонте перед ними уже играло разнообразием светлеющих красок, от сиренево-голубого до розового. Поверхность же внизу, вернее – океанская гладь, была все еще темна, и это вызывало весьма странные ощущения. А еще – это было загадочно-красиво. В глубине души почти каждого из команды теплилась надежда сохранить этот рассвет спокойным, неизменным и безмятежным, хотя бы на ближайший час до прибытия. Надежда, которой не суждено было осуществиться.

На телемониторе каждого из пилотов загорелось сообщение, сопровождаемое предупреждающим зуммером. Подобный резкий, тревожный зуммер каждый из них слышал множество раз – в основном на периодических тренировках, и, кажется, он должен был бы восприниматься командой спокойно – но нет. В этот раз это было оповещение о сигнале бедствия с Маркиз, принятое ЗАСЛОНОм, который тотчас же проинформировал пилотов.

— Владимир Геннадьевич, соединяю? — это был ассистент Леха. Тот самый ИИ, отвечающий за коммуникацию с отрядом. Собственного имени у него, конечно же, не было, поэтому бойцы были вольны называть его на свой вкус. В отряде Кубанова он был «Лехой».

— Соединяй, — четко произнес командир, и тут же перед ним возникло изображение взъерошенного бронзовокожего мужчины в голубой с белым рубашке, отчего-то весьма измятой.

— Это Эиао, прошу помощи! — вещал он, затем уже заметив, видимо, пометку о соединении. — Это Эиао! Кто на связи?

Мужчина говорил на северо-маркизском языке, нигде более не имевшем ходу. Это было совершенно не важно, он мог бы хоть жестами общаться по видеосвязи. Система ЗАСЛОНа обрабатывала трансляцию в реальном времени, сразу осуществляя перевод на язык пилота. В данном случае – на русский. Некоторые эстеты специально просили программистов доработать языковой модуль переводчика, чтобы голос его звучал по-человечески, жизненно. В базе же он был довольно сухой и безэмоциональный. А по виду человека на экране становилось ясно, что эмоции его просто бурлят. Он был гражданский, от которого не требовалось быть сосредоточенным и собранным в подобной ситуации.

— Майор Владимир Кубанов, авангард сил ССФ. Направляемся к вам. Что происходит?

— Несколько летательных аппаратов, неопознанных, вступили в бой с «Велесом». Бой все идет. Кажется, они хотели произвести высадку тихо, но незаметно не вышло – сработали системы «Велеса». Аппараты похожи на те, что появлялись сутки назад, но тогда они ушли. И по воде к нам приближаются два корабля. Вроде два... Они не отвечают на запросы.

— Что такое «Велес»? — задал вопрос Кубанов, переключившись на внутреннюю связь.

— Видимо, имеется в виду многофункциональный автоматизированный комплекс дронов, ранее применяемый для жизнеобеспечения северной группы Маркизских островов, — почти без задержки отчитался Леха.

— А почему он «Велес», что за название для Поли... а, черт с ним, — и Кубанов опять переключился на внешний контакт. — Они открывали огонь по инфраструктуре, по гражданским, есть потери?

— Нет, — отвечал мужчина. — Пока они бьются с нашими дронами. Не отвечают на любые запросы – поэтому мы даже отозвать «Велес» не можем. Нас не обстреливают.

— Хорошо. Несколько – сколько? У нас пять боевых аппаратов типа «Клык». Будем у вас через двадцать минут. Продержитесь?

— Ч-четыре. П-п-постараемся, — заикаясь, ответил мужчина, и Кубанов понял – от того сейчас совершенно ничего не зависит. Воздушный бой ведут не люди, а защитная система острова, которая наверняка для подобного даже не предназначена. Куда уж тут продержаться.

— Если они не ведут огонь по поверхности – уже хорошо, — сообщил ему Владимир. — Значит, нет цели устроить террор. Рекомендую вам организовать эвакуацию граждан, а именно – пусть все прячутся, как смогут. На улицу не показываются, в контакт ни с кем не вступают. Все стратегически важные объекты можете запечатать, заблокировать и оставить. Главное – спасайте жизни, мы летим.

— Понял, — ответил мужчина. С экрана не было ясно, какая эмоция отразилась на его лице, то ли отчаяние, то ли надежда. А затем связь разорвалась.

— Выходим на максимальную скорость, форсаж! — скомандовал Кубанов. — Ускоряемся.

— Командир, я вижу пару катеров возле островов, как и сообщили. Похожи на патрульные, среднего водоизмещения. Вряд ли военные, признаков тяжелого вооружения нет, но распознавание недоступно, что-то мешает. И это не главное. В воздухе на радарх нет никаких объектов, — сообщил ему Дитер. — И намек нет, хотя до островов километров четыреста. Понимаешь?

— Естественно. У противника стелс-технологии. Значит, там не просто шпана залетная пытается высадиться. Ускоряемся.

На максимальном ходе добраться до Эиао у них займет не больше двадцати минут. Главное, чтобы не было поздно. Но успеют они или нет, а если успеют, то что застанут на месте, – никто из них не знал. Надо было просто действовать и не сомневаться, не терять времени. Отряд «Клыков» несся вперед металлическими стрелами, выпущенными грозным божеством в своих врагов. Скорее всего, неизвестный противник что-то искал на Маркизах, именно с этим была связана попытка высадки. Это был вполне логичный вывод. Но что вообще можно было там искать? С этим они разберутся позже, когда уладят проблему. Если уладят. По крайней мере, была надежда, что до их подлета обойдется без жертв.

— Стелс-технологии означают, что мы не увидим нашего врага? — спросила Яна.

— Конечно, увидим, но только когда достаточно к нему приблизимся. Сейчас же мы в полном неведении.

— И насколько близко мы должны подойти?

— Не вплотную, конечно, — усмехнулся Кубанов. — Вообще объекты по типу крупных гражданских самолетов мы засекаем в тысяче километров от нас. На расстоянии пятисот километров мы должны видеть любую технику, если это вообще техника, а не любительская поделка с моторчиком. Если не видим – значит, задействованы стелс-технологии. И расстояние до контакта зависит от самой применяемой технологии. Может, сто километров, а может, двадцать, но рано или поздно увидим. Хотелось бы рано.

Минуты шли, океан под ними ждал, а Маркизские острова становились все ближе и ближе. В ста пятидесяти километрах от них на радарх появились изображения, но совсем не те, что хотелось бы видеть пилотам.

— Дроны, — выкрикнул Павел. — Это рой дронов, объемный, не менее двух сотен. Это, наверное, тот самый «Велес». Также вижу изменения электромагнитных полей, явную активность, там что-то происходит. Бой?

— Вероятно, — ответил Кубанов. — Итак, мы уже видим дроны этой островной системы защиты, но не их противника. И, наверное, увидим только вблизи. Снижаемся вплоть до трех-

сот метров. Идем на полной, но готовимся к снижению скорости в ближайшее время. И к контакту.

Ведомые отрапортовали, что все понятно, и отряд начал снижение, нырнув вниз, под облака. Острова уже виднелись визуально далекими точками на горизонте, маленькими, одинокими и спокойными. Ведь так и не скажешь, что там прямо сейчас шло сражение.

А сражение точно шло, так как рой дронов на экранах радаров был явственно виден, как и производимая им активность электромагнитных полей. Если это вообще можно было назвать сражением. Вряд ли Маркизы располагали полноценной боевой защитной системой. Дроны, скорее всего, были хозяйственного применения – для транспорта пресной воды и подобных задач, характерных для таких островных государств. И, тем не менее, какой-то отпор противнику они дали, что было весьма странно.

«Клыки» подлетали все ближе и ближе, напряжение нарастало. Островные гряды, темные и по-своему прекрасные, уже виднелись прямо перед ними. Пейзажи тут были, конечно, выдающиеся, как будто ты закрыл глаза и вдруг попал в чуждый мир. Или в сказку – настолько все было чудно и будоражило воображение, особенно в лучах рассвета. Но явно не они привлекли сюда незваных гостей.

— Есть контакт! — сообщил Дитер. Это означало, что противник, наконец-то, раскрылся в поле действия их радара. И оставалось до него не более сорока километров – рукой подать, с их-то скоростью. РЛК РОП принялся за работу, распознавая и оценивая имеющиеся угрозы.

— Леха, сводку! Дроны не учитывать! — приказал Володя.

— В зоне контакта три боевых аппарата типа «Грант», ведут маневровый бой. Один – с полной боевой загрузкой, два – с частичной. До полноценного боевого соприкосновения – две минуты.

— Ясно, «Гранты», — выдохнул Кубанов. — Это Коалиция! Три, не четыре?

— Три боевых аппарата.

— Они готовятся к высадке? Планировали ее?

— Не могу дать полную оценку. Но высока вероятность того, что целью двух боевых аппаратов с неполной загрузкой могла быть высадка десанта.

— Все слышали? Переходим к боевому маневрированию, к полноценному контакту. Уничтожать – в крайнем случае, тут не война. Главное – отпугнуть. Желательно обезвредить и захватить хотя бы один. Лучше – тот, что с полной боевой загрузкой.

— Почему его, командир? — задал вопрос Илья.

— Это явно машина прикрытия. В других может находиться десант, не понятно, кто, зачем и сколько. Нам не нужно проблем до прибытия эскадры, хватит и одного захваченного пилота.

— Понял.

— Распределяю роли. Илья, ты – наконецник копья, как обычно. Идешь на штурм, пугаешь, отгоняешь, забираешь внимание. Петя, ты направляйся к катерам, их тоже нельзя упускать из виду, пытайся выйти на связь, достучаться, получить реакцию. Огонь открывать лишь в крайнем случае. И будь готов подтянуться к нам, если станет жарко. Паша, мы с тобой страхуем Илью, контролируем ситуацию. Главная задача – вывести из строя «Грант» и взять их пилота. Паша, ты помнишь, как договаривались? Без самостоятельности! И Янтарь... Янтарь, похоже, пора. Ты готова?

— Готова, — выпалила Яна, сразу не осознавая смысл своего ответа.

— Хорошо. До соприкосновения тридцать секунд. Петр, давай к катерам. С Богом!

Девушка внезапно осознала, что руки ее стали влажными, даже немного липкими от пота, и слегка дрожали. Чтобы унять эту дрожь, она крепче схватилась за подлокотники и, не мигая, уставилась в телемонитор. Пора. Лишь бы не провалить верификацию. Она запорола ее дважды в самом начале обучения, когда только привыкала к взаимодействию с системой. Это было

давно, и с тех пор она спокойно проходила ее более сотни раз. Но то были лишь тренировки, они не вызывали в ней такого волнения. Просто быстро и правильно прочесть цифры, ну что ты! Времени не оставалось, и она громко, четко произнесла фразу входа.

— Янтарь Рагимова. Подключение. Два восемь ноль, пять девять два.

И тут же ее душа провалилась, упала и полетела – понеслась в самую глубину нервной системы ЗАСЛОНа.

Глава 2. Янтарь

С самого начала, с детства, как себя помнила, ей совершенно не нравилось собственное имя. Янтарь – это же камень. Ну что за имя такое глупое? Для мальчишки еще подошло бы, но не для девочки. Хотя вокруг было множество имен, часто совсем непонятных, даже смешных. Но все равно, отношение к своему имени у нее было на первом месте, как и его неприятие. У детей такое бывает. Единственный плюс – не рифмовалось оно и не склонялось, тяжело было его куда-то засунуть. Поэтому в детстве по имени Янтарь ни разу не дразнили – спасибо и на том.

Уже позже, в подростковом возрасте, она относилась к этому намного спокойнее. Вернее, особо не заморачивалась. Ну Янтарь и Янтарь, все равно все ее близкие и друзья Яной называли. Однако при знакомстве с новыми людьми ее это официальное обращение по полному имени коробило – и ничего поделать с этим она совершенно не могла. Яна даже подумывала, что не сейчас, а чуть позже, уже после окончания института, пойдет и меняет свое имя. Скажем – станет Розой. С камня на цветочек, чем плохо-то? Но затем всем этим мыслям не суждено было осуществиться, так как в ее жизни появились заботы поважнее.

В университет Яна поступила на специальность «Психология» и даже три с лишним года отучилась на ней с переменным успехом. Она не хватала звезд с неба, но среди отстающих не была ни разу. То есть, считала «четверочку» вполне достойным результатом, даже по тем предметам, которыми владела весьма неплохо, и вырваться в лидеры не стремилась. Все потому, что постоянная учеба и внимание часто вызывали в ней скуку и даже определенное уныние. Она не была ленивой, просто не горела желанием впитывать в себя то, что было неинтересно. Возможно, со специальностью она несколько ошиблась, осознав это только сейчас. А теперь надо было доучиться, чтобы не стыдиться, не раздражаться из-за потери трех лет жизни. Ведь у нее неплохо получалось, почему бы и нет?

И доучилась бы, не случись неожиданный – и тем самым чудесный переломный момент, буквально на пустом месте. Как-то раз, после очередной лекции, которой завершался день, их попросили не расходиться, а пройти короткое анкетирование, буквально на пять минут. Не всех это остановило от бегства домой, но большинство осталось, в том числе и Яна. Затем им раздали анкеты, каждая на одном единственном листе плотной бумаги, и попросили ответить честно, без утаек, пообещав, что руководство университета и преподаватели этой информации не увидят. Анкеты получили все – и парни, и девушки, без исключений.

Вопросы там и правда были незамысловатые. Первый – несложная логическая задачка. Вторым – касался состояния здоровья. Третий – был развернутый и весьма странный: «Посмотрите, есть ли среди перечисленных пунктов хотя бы три, подходящих вам? Если нет – выберите соответствующее утверждение. Если да – отметьте все подходящие пункты». Далее шел список из пятнадцати пунктов, среди которых Яна действительно могла выбрать три, что она и сделала. Это были пункты: «Я люблю сложные детективные сюжеты», «Я часто ухаживаю за животными», «Я имею большой опыт в командных видах спорта» (а ведь Яна целых четыре года в школе занималась женским футболом). Что могло объединять подобную подборку утверждений – оставалось загадкой.

Четвертый, заключительный вопрос в анкете состоял из двух частей и был весьма провокационным. Звучал он так: «Легко ли вам дается обучение специальности?» и «Считаете ли вы психологию своим призванием?» Тут девушка призадумалась – уж очень это все походило на подставу со стороны преподавателей. Но только зачем им это? С другой стороны, отчислить за такое не имели права, а все остальное было не так важно. Да и слишком наивной была бы такая «ловушка», что говорило против подобной гипотезы. Еще немножко подумав, Яна честно внесла ответы – «да» на первый вопрос и «нет» на второй.

Собственно, это и было все анкетирование, после которого не последовало никаких репрессий. В этом им не соврали. Поэтому студенты забыли о нем уже через неделю и, наверное, никогда бы больше не вспоминали, если бы не произошедшее через месяц. А через месяц (причем до сессии оставалось рукой подать) Янтарь и еще четверых человек с ее потока позвали на специализированное тестирование, по итогам того самого анкетирования. Позвали – это мягко сказано, просто выдернули с занятий и отвезли в незнакомое им учреждение на специально приехавшем для этого за ними микроавтобусе. Надо сказать – довольно комфортном, там даже свой мини-бар был, правда, с минералкой вместо алкоголя. Сопровождала их крайне улыбочивая, но довольно усталая женщина, которая представилась сотрудницей Министерства образования ССФ. Видно, это был далеко не первый ее выезд за текущий день.

Здание было невысоким – пятиэтажным – и весьма компактным. Снаружи оно совершенно ничем не выделялось и не бросалось в глаза. Возможно, оно принадлежало Министерству образования, что выглядело весьма логичным. Сидя в ожидании тестирования в слегка затемненном коридоре, практически пустом (до вузовской суеты тут было далеко), студенты разговорились. И на поверхность выплыли довольно интересные подробности. Оказалось, что в анкете каждый из присутствующих при ответе на четвертый вопрос смог выбрать по три подходящих пункта (а кто-то – даже больше). Об остальном пообщаться они не успели, но Яна готова была биться о заклад, что и на пятый вопрос анкеты каждый из них также ответил одинаково.

А вот в кабинете, куда девушку вызвали для проведения теста, ее ждал сюрприз. Перед ней находилось большое удобное мягкое кресло, которое, однако, было все увешано проводами и электродами, будто в каком-то медицинском учреждении. И проводящий тестирование сотрудник, смиренно ожидающий очередного подопытного, тоже был в белом халате, что как бы намекало.

— Это что вообще такое? — задумчиво спросила у него Яна. — Вы меня что, на детекторе лжи проверять собрались? Что это?

— Нет, нет, что вы! Просто во время тестирования нам надо будет контролировать определенные параметры. Тут бояться нечего, все предельно безопасно. Вы и не почувствуете ничего.

— Странное тестирование, однако, — резюмировала девушка. Она стояла посреди комнаты, не спеша не то что опуститься в опутанное проводами кресло, а даже приблизиться к нему. Вот совершенно никакого желания у нее не было прикоснуться к этим холодным металлическим электродам.

— Слушайте, я заставлять вас не буду, — вздохнул мужчина после полуминутной паузы. — Это, в общем-то, дело добровольное. Безопасно это, говорю же. Я не собираюсь силком датчики вешать. Имя скажите для отчета и можете идти.

— Янтарь Рагимова. Ладно, я пройду, я вам верю.

Яна села в кресле и демонстративно устроилась поудобнее, вытянув ноги, а мужчина закрепил электроды вокруг ее головы, на запястьях и на бедрах – прямо поверх одежды. Затем, безо всякой подготовки, он стал задавать ей по списку серию вопросов, в основном касающихся, как ни странно, ее персональных взглядов на мир. Например – «любите ли вы дождливую погоду, и почему?» или «что доставляет вам наибольшую радость в общении с друзьями». Это точно был не полиграф – для него подобные объемные вопросы и даваемые на них развернутые ответы являлись совершенно бессмысленными. У нее даже не уточнили имя, возраст и прочие формальные данные, необходимые для сравнения правды с ложью. Тем не менее, мужчина посматривал на стоящий перед ним монитор, иногда кивая и даже улыбаясь в такт ее ответам.

Вопросов было около двух десятков, поэтому вся эта странная процедура отняла не больше пятнадцати минут времени. И, хотя поначалу все было странно и даже немного неловко, под конец Яна расслабилась, даже удивившись, что тестирование прошло так быстро.

— Ну, вот и все. Благодарю за сотрудничество, Яantarь, — сказал ей мужчина, снимая электроды. — Вы подождите в коридоре, как все ваши пройдут – сразу вас обратно отвезут. Могут и до дома подбросить, спросите там.

— Может, хоть скажете, для чего это? Какой-то эксперимент? Интересно же!

— Ну, в общем – да, эксперимент, — улыбнулся человек в халате. — Вам, кстати, как, нравится учиться на психолога?

— Ну... да, нормально.

«Опять этот вопрос, — подумала она. — Меня что, на профпригодность проверяют?»

— Так «нормально» или «нравится»?

— А в чем разница? Вы мне что-то сказать или предложить хотите?

— Предлагать не моя задача, просто интересуюсь, — замотал головой мужчина. — А результаты у вас хорошие. Отличные.

На этом они и распрощались, хотя вся эта ситуация выглядела довольно странно и подозрительно. Другим ребятам тоже ничего дельного не сообщили, даже про результаты никакого разговора не было. Оставалось надеяться, что сегодняшний выезд им не аукнется, а может, даже принесет определенные дивиденды. Но подобные мысли в голове Яны надолго не задержались, так как наступала пора самой бурной подготовки. Туда-то и пошли все ее силы.

А за неделю до начала зачетов микроавтобус с мини-баром вернулся. Правда, той женщины с вымученной улыбкой, что в прошлый раз, к нему не прилагалось. На сей раз это был молодой человек, не старше тридцати, и приехал он именно за Яantarь. Других попутчиков с ними в этот раз не было. Данный факт мог немного напугать девушку, как минимум – обеспокоить, и парень это понимал, поэтому пригласил ее аж через деканат. Сама замдекана с совершенно непроницаемым лицом пришла и забрала Яну с лекции, а потом отвела прямо к микроавтобусу.

— Тебе все расскажут, не переживай. Это важно, — ответила она на вопрос студентки, которая, конечно же, поинтересовалась – в чем, собственно, дело?

Но понимание того, что все происходит официально, Яну не сильно успокоило.

— Куда мы едем, опять на тестирование? — спросила она парня сразу, как за ней захлопнулась дверь салона автомобиля. — Мне хоть что-то нормально объяснят?

— Не переживай, обязательно объяснят, — кивнул тот, сохраняя предельно серьезный, даже какой-то насупленный вид, чем вселил в девушку новые опасения.

— В прошлый раз ничего не объяснили. А у меня сессия вообще-то. Мне надо готовиться. Вы слышите? Это надолго?

— Да не переживай насчет сессии. Это вообще не проблема, ерунда это.

Яна грозно посмотрела на него исподлобья, как бы говоря: «Ерунда? Ты сейчас серьезно?» Но попутчик ее оставался совершенно непроницаем. Ему-то, конечно, легко было говорить, не у него же сессия на носу. Скорее всего, он сам ничего не знал, просто выполняя чьи-то указания, поэтому и молчал всю дорогу.

В этот раз они приехали в совершенно другое место, к большому комплексу из нескольких зданий. Похоже, что это вообще был пригород. По крайней мере, Яна абсолютно не знала этих мест, никогда здесь раньше не бывала. Кругом росли деревья, зеленая трава, аккуратно подстриженная живая изгородь обрамляла газоны, а асфальт дорожек был хорошо убран, но уже далеко не нов. Этаким небольшой сквер. В целом, все было довольно уютно. На нескольких скамейках, разбросанных то тут, то там, не было ни души.

Они прошли к входу в крайнее здание слева, довольно масштабное, угловатое, величественное, но немного мрачное. Такая архитектура была в моде лет семьдесят назад, в начале века, во времена ее бабушек и дедушек. Наверняка тогда этот комплекс и построили.

Внизу, в фойе, за толстым бронированным стеклом, как в прозрачном сосуде, сидели за своими мониторами двое охранников. При виде ее спутника они даже не дернулись, просто проводили их скучающими взглядами до лифта, не сказав ни слова. Видно, этого парня они хорошо знали и имели указания пропускать в любом случае, даже со спутниками.

На лифте они поднялись на четырнадцатый этаж (а всего этажей было двадцать). Народу в коридорах было немного, но было заметно, что жизнь здесь бурлит.

— Подожди одну секунду, — попросил парень, когда они поравнялись с дверью одного из кабинетов, и сразу исчез за ней без лишних слов. Избытком общительности он не страдал. На двери не было ни надписей, ни опознавательных знаков, только табличка с номером «108», на этом все. Остальные двери на этом этаже тоже все были одинаковые, по крайней мере те, мимо которых Яна прошагала от лифта. Не какие-то бронированные или укрепленные, несмотря на охрану внизу. Обычные, из прочного темно-серого пластика, ничем не примечательные.

Попутчик ее появился через минуту, такой же неизменно серьезный.

— Проходи, пожалуйста, — пригласил он, открыв для девушки дверь и придержав ее.

Яна зашла внутрь, и дверь за ней тут же почти бесшумно захлопнулась. Это был небольшой предбанник, маленькая комнатка полтора на два метра, из которой вели еще две двери. И пока девушка думала, куда же ей направиться, одна из них приоткрылась сама.

— Янтарь, здравствуйте! — проговорил мужчина, стоявший на пороге. Уже в возрасте, сильно полысевший и почти полностью седой, но, несмотря на это, весьма импозантный. Среднего роста, полноватый, лет шестидесяти на вид. — Вы проходите, проходите, присаживайтесь, куда хотите, не стесняйтесь. Сок есть, минералка, чай можно организовать, если желаете.

— А... может, кофе? — спросила Яна. Почему-то такой радушный прием ее немного позабавил.

— Вот не держу, извините. Только чай. Если желаете. Ну, присаживайтесь, пообщаемся.

Девушка вошла в кабинет и огляделась по сторонам. Здесь имелся большой письменный стол с выдвижными ящиками, также кресло, видимо, принадлежащее мужчине, уже немного вытертое. С другой стороны стола стояли три стула с подлокотниками. К стене прислонился длинный стеллаж с книгами и документами. Рядом валялась пара картонных коробок с каким-то барахлом, из которых торчали оранжевые провода.

Яна присела на центральный стул. Пока ситуация не прояснилась, ей было не очень комфортно. Надо сказать, что оказанный ей прием немного снял присутствующее напряжение. Но совершенно не полностью. Хозяин кабинета плюхнулся в кресло, пытливо посмотрел на девушку, потом прищурился и несколько раз коротко кивнул, будто пытаясь разрядить обстановку еще больше.

— Янтарь, меня зовут Гриднев Евгений Валерьевич. Доктор технических наук, академик. Ну, это не полный список, не суть. Очень хотел с вами пообщаться, да.

На этом мужчина сделал паузу и слегка наклонил голову набок, внимательно оценивая свою собеседницу. А та молча наблюдала за ним, сложив руки на коленях, взгляд не отводила.

— Вы прошли тестирование. Результаты тестирования у вас очень интересные, да, — продолжил Гриднев. — И вам наверняка хочется узнать побольше о том, зачем вы здесь, верно?

— Я вообще не понимаю, что происходит, — выпалила наконец Яна. — Мне замдекана сказала, что все расскажут, но пока вообще ничего не сказали. А мне к сессии готовиться надо.

— Ну, сама она не многое знает. Просто с вашим институтом, и не только с вашим, мы активно сотрудничаем. Сейчас пролью свет на эти вопросы.

Казалось, Гриднев тоже нервничает. Он старался не смотреть прямо на девушку и тщательно подбирал слова, а в пальцах крутил авторучку. Видно, тема разговора была ему важна.

— А вам рассказывали о Шкурко Александре Сергеевиче? — вдруг спросил он, тряся ручкой, будто указкой.

— Да, да, конечно, — Яне даже вспоминать не пришлось эту фамилию, она отлично помнила, о ком идет речь. — Академик Шкурко был основателем так называемой «машинной психологии».

— А что же такое эта «машинная психология», подскажете? — задал вопрос Гриднев.

— Это дисциплина, которая пытается применить общепринятую психологию к искусственному интеллекту.

— Да? Но искусственный интеллект – не человек, как к нему можно применять человеческую психологию?

— Вы что, знания мои проверяете? — спросила Яна прямо. — Дело в том, что мы этого вообще не проходили. Этого нет в программе. Просто Шкурко – известная персона, и я сама интересовалась его исследованиями. Но я не специалист, боюсь, не смогу правильно объяснить.

— Янтарь, да вы молодец! — воскликнул Евгений Валерьевич. — Не надо ничего объяснять, я сам вам расскажу. Просто я рад, что вы уже определенным образом в теме, да. Александр Сергеевич Шкурко – мой наставник. К сожалению, четыре года назад его с нами не стало, но дело его живет. Стараюсь продолжать, знаете ли. Так вот. «Машинная психология» – это способ исправления ошибок искусственного интеллекта в процессе его обучения и совместной работы с человеком. То есть, это же программа, да? Она делает только то, что есть в ее коде, по заранее заложенным алгоритмам. Но жизнь многогранна, и не все укладывается в эти самые алгоритмы. «Машинная психология» – способ избежать ошибок ИИ, применяя методы классической психологии. Именно ошибок. Ведь каково одно из преимуществ автоматизированных систем? Они не ошибаются там, где человека может подвести разум. С другой стороны – в ситуациях, которые идут вразрез с их программой, где затронуты не точные величины, а материи более эфемерные, как раз таки машина может ошибиться. А человек – нет. И нам надо, да, сделать так, чтобы в этих ситуациях машина, грубо говоря, примеряла на себя человеческую шкуру.

— Как вы этого добиваетесь?

— Никак не добиваемся, — вздохнул Гриднев.

Это был какой-то очень странный итог предыдущего воодушевляющего монолога. Но ученый сообщил это не с грустью или разочарованием, а просто сухо констатировал факт. А затем с интересом стал наблюдать за реакцией Яны, при этом даже как-то хитро улыбаясь.

— Никак? — спросила девушка. Она не могла понять, что у этого человека на уме. — В смысле, вы в тупик зашли? А я тут причем?

— Я подхожу к сути! — заявил Гриднев громко, потрясая ручкой. — Да, машинная психология себя не оправдала! Но это был не тупик, отнюдь, а новое начало! Знаете, к чему мы пришли? Конечно же, не получится привить машине человеческую индивидуальность, как и обеспечить человеку надежность машины. Значит, надо их объединить. Вот к чему мы пришли, да.

— Так вроде это не ново, — осторожно проговорила Яна. — Уже давно людям помогают машины.

— Ладно, давайте я по-другому объясню, — согласился Гриднев. — Как работают военные технологии? Человек отвечает за тактические действия, машина занимается расчетами и всем остальным. Вот есть у нас автоматизированная система управления ЗАСЛОН. Слышали, наверное?

— Не-а. Я вообще от такого далека.

— Ох, неважно! Проще говоря, это та самая система, которая работает с механизмами боевых аппаратов, объединяя несколько из них в одну сеть. Аппаратами управляют пилоты,

люди. А ЗАСЛОН их страхует, мониторит окружение, предупреждает. Наводит вооружение, открывает огонь, если стоит такая задача. Координирует положение звена друг относительно друга. Чудо, а не система. Так вот, знаете, что часто делают пилоты? При ведении активного маневрирования или боевых действий переводят боевые аппараты в ручной режим! Почему? Потому что в ЗАСЛОН встроены ограничители для ведения максимально безопасного боя. Людей это не устраивает, они рискуют! В теории, эти ограничения можно, конечно, снять. Но тогда система сама дров наломает – проверено. Получается – без них никак. А люди тем временем, не имея никаких ограничений, кроме чувства самосохранения, переводят в ручной – и побеждают, выживают. С другой стороны, если мы отдаем системе полный контроль, все равно есть подводные камни. Скажем – страх. Бояться – нормально, это всем известно. Но уже зарегистрирована пара случаев, когда система перехватывала управление у пилота, принудительно выводя его из боя, из-за того, что регистрировала страх и считала, что человек паникует, а значит, не может дальше продолжать выполнение миссии. При этом пилот все действия выполнял четко, без нареканий. Как объяснить системе, что бояться нормально? В общем, такая вот ситуация. И я подхожу к самому важному, да. Для этого вы и нужны нам, Янтарь. Для этого я вас и пригласил.

— Называйте меня Яной, пожалуйста, — попросила девушка. — Я привыкла к такому обращению.

— Ну... хорошо, — пожал плечами Евгений Валерьевич. — А по-моему, очень красивое имя – Янтарь. Как вам угодно.

— Так для чего вы меня пригласили?

— Я бы хотел, Яна, чтобы вы присоединились к нашей программе обучения мехэмпатов, — проговорил мужчина, а затем поднял глаза и пристально посмотрел на нее.

— Кого?!

— Людей, которые подарят машине душу. Людей, которые будут связующим звеном между человеческим разумом и машинным. Которые подстрахуют своих боевых товарищей и сделают помощь ЗАСЛОНа еще эффективней.

— Понятно, — прошептала Яна. — Интересно... Почему я?

— На основе тестов, Яна, конечно же. Мы искали людей, которые обладают врожденной эмпатией, при этом развитым интеллектом, и одновременно являются хорошим командным игроком. Плюс определенные свойства нервной системы, чисто физиологический фактор. Эти тесты разработал сам Александр Сергеевич. А теперь, когда его уже нет с нами, им нашлось применение. Нам подходит примерно один человек из двух тысяч протестированных. И вы, Яна, нам идеально подходите. А знание психологии – тоже важно, в этом деле не обязательно, но будет весомым бонусом, да.

— Так... а что мне предстоит делать, если я соглашусь?

— После обучения вы будете прикреплены к одному из боевых отрядов внешних сил ССФ. По сути, Яна, вы будете как центральный процессор всего отряда, процессор, который обрабатывает информацию, полученную как от людей, так и от ЗАСЛОНа. И вы будете принимать решения. Вы будете решать, можно ли перевестись в ручной режим. И нужно ли выводить пилота из боя. И кучу других решений тоже. Это экспериментальная программа, сразу предупреждаю. В том смысле, что пользу использования мехэмпатов нужно еще подтвердить. У этого направления есть как сторонники, так и противники, которые считают, что все это лишь бессмысленное усложнение системы, которое пойдет не на пользу, а во вред. Но пока полученные нами данные говорят об обратном. В тренировочных боях у отрядов с мехэмпатом повышается как скорость реакции, так и качество принимаемых решений. И с пилота снимается определенный груз тоже, оставляя ему главное – пилотирование.

— Но это же такая ответственность, — произнесла девушка. До нее вдруг дошла суть. От нее будут зависеть жизни. От ее собственных решений, чужие жизни. — Я не знаю, смогу ли. Я боюсь, если честно.

— Яна, вы подумайте, — вздохнул Гриднев. — Подумайте. Все не так страшно, зато это потрясающий опыт. Я вам скажу, что большинство решений вы будете принимать на рефлексивно-подсознательном уровне. То есть, вас они мучать не будут. Наш мозг, на самом деле, работает очень быстро, если обеспечить ему прямой подвод-вывод данных. Это сложно объяснить, но...

— Я поняла, — кивнула Яна, — поняла. Это очень круто. Но я пока не готова. Я не знаю.

— Подумайте. Вы ведь не держитесь за карьеру психолога, верно? А тут такой шанс. Таких, как вы, Яна, очень мало, подумайте, пожалуйста. Вы будете одной из первых. А даже если... результаты не устроят и проект придется свернуть, я гарантирую вам место в нашем исследовательском центре. Без работы не останетесь. Мы тут вещами глобальными занимаемся, интересными.

На обратном пути ее уже не сопровождал чрезмерно серьезный молодой человек, она ехала одна, погруженная в свои мысли. Сегодняшнее путешествие оказалось действительно интересным приключением. Но с другой стороны – даже немного пугающим. Все это было похоже скорее на сон, чем на реальность. Мехэмпаты, странные разговоры, «машинная психология», эксперимент. Даже если она откажется, жизнь ее уже не станет прежней, хотя бы из-за воспоминаний об этом дне. А она откажется?

Об этом она продолжала думать, уже приехав домой, пообедав, и после эти мысли все равно приходили ей в голову. Нормально готовиться она тоже не могла. Но если согласиться – сессию сдавать будет не надо, правда? Такое себе преимущество, если честно.

На самом деле, предложение сразу показалось ей заманчивым. Но чем больше она думала о нем, тем больше пугали ее перспективы будущего. Хотя бы потому, что человек она не военный. И хотя брать на себя ответственность было ей не впервой, но не в такой мере. Ночью сон тоже не шел. Чтобы сладко выспаться, требовалось хотя бы на минуту выкинуть из головы произошедшее. Но попробуй выкинь, как же. Может, другим это было под силу, но Яна такой силой не обладала.

Отказаться было просто. Просто жить, как и прежде, проигнорировав поступившее предложение. Никто не станет ее дергать, дозваниваться и пытаться о принятом решении. Гриднев ясно дал понять – хотя каждая подходящая кандидатура у них на счету, принуждать никто не будет, ходить по пятам за ней тоже, это ее выбор и ее свобода. Нет – так нет, ее больше не побеспокоят. И ведь не соврал, целых три дня девушку никто не беспокоил, а в университете, похоже, вообще не догадывались о произошедшем, хотя никаких подписок о секретности с нее не брали.

А через три дня она позвонила сама, набрав оставленный Гридневым номер.

— Евгений Валерьевич? Это Яна Рагимова. Если ваше предложение еще в силе – я согласна.

И, конечно же, сессию сдавать ей уже не пришлось.

А через месяц после этого она и еще пятнадцать ее сокурсников сидели в небольшой светлой аудитории и ждали начала своего первого учебного дня в новом качестве. Теперь все они числились курсантами Военной академии, хотя в самой академии до этого момента ни разу не бывали. Учеба их, которая должна продлиться полтора года, будет проходить там же, в исследовательском центре, под патронажем и присмотром Евгения Валерьевича Гриднева с коллегами. Но так как за всем экспериментом стояло Министерство обороны ССФ, требовалось соблюсти формальности.

В комнату зашел подтянутый, очень коротко стриженный мужчина, довольно молодой – лет тридцати на вид. Над его левым ухом был еле заметен длинный белесый шрам.

— Это тот самый, бывший спецназовец? — шепталась сидящая прямо перед Яной парочка курсантов.

— Наверное. Видишь шрам? У него чип в голове.

— Не повезло мужику.

— Наоборот, повезло, жив остался. Говорят, почти полностью восстановился. Боевой аппарат не доверяют – сослали нас учить.

Мужчина, тем временем, молча оглядел всех присутствующих в аудитории и, выйдя в центр, встал прямо перед новоиспеченными курсантами. За его спиной на электронной учебной доске загорелись крупные буквы «Смирнов Павел Данилович».

— Давайте знакомиться, — громко произнес он. — Павел Данилович меня зовут. Я буду куратором вашего курса. Я не ученый, моя задача – проследить, чтобы вы все вошли в армейскую специфику, как положено. Говорят – вы будущее наших вооруженных сил. Посмотрим.

Он замолчал и еще раз осмотрел группу. Взгляд его был спокоен. Да и в словах не было ни грамма иронии – произнося это, Смирнов просто констатировал факт.

— Если будете учиться на четыре и пять – можно просто Павел. Не подведите меня. Ну, приступим.

Глава 3. Мордор

Она видела аппараты врага зрением машины, так, как их видел РЛК РОП. Пилоты бы не поняли, да им это сейчас и не было важно, ведь за наведение на цель на таких дистанциях отвечал ЗАСЛОН. Это были всего лишь точки на радаре, физически до них оставалось еще километров пятнадцать – глазами не разглядеть. И только Яна, чья нервная система сплелась с сетью ЗАСЛОНа в одно целое, воспринимала их совершенно иначе.

Конечно, никакой «нервной системы» у ЗАСЛОНа в буквальном понимании не было. В каждом боевом аппарате был установлен кор-чип, центральный процессор, на котором базировалась система ЗАСЛОН. Далее программисты, без которых теперь не могла существовать не только гражданская техника, но и военная, создавали для каждого отряда свою сеть, в которую объединяли выбранные кор-чипы. И уже эта группа чипов, «общаясь» между собой, составляла полностью рабочую структуру. Удачным решением было то, что ЗАСЛОН представлял собой систему распределенную, то есть – коллективный машинный разум, копии которого существовали на каждом из чипов. Одного специального центрального процессора, выделенного под него, не требовалось. При выведении любого аппарата из строя система продолжала функционировать дальше, до тех пор, пока хоть один из кор-чипов оставался в работе.

Мехэмпат подключался к системе ЗАСЛОНа, как один из полноправных ее компонентов. Полноправных, так как вся информация, которой оперировали кор-чипы, была ему доступна, но не равноценных. Потому что мехэмпат мог вносить изменения в любые действия системы, и ни одно из ключевых решений не принималось без его участия. При условии, что человек еще жив и в сознании – за мониторинг состояния отвечали неотключаемые датчики на его теле.

Три боевых аппарата типа «Грант», предпоследнее поколение машин подобного типа, предстали перед ней в образе трех стальных жуков-бронзовок. Именно так воображение Яны реагировало на информацию, полученную от ЗАСЛОНа. Это был очень интересный феномен. Человеческий мозг всегда приводил получаемую информацию к известным ему образам, а искусственный интеллект оперировал сухими фактическими данными. И эти данные передавались мехэмпату, фактически – проходили через его разум «как есть». Как будто человек был одним из кор-чипов. Следствием такого подключения было то, что мозг сам дорисовывал полученные образы. Но надо сказать, что и в жизни «Гранты» чем-то напоминали жуков, они были более округлые, визуальное – более массивные, чем те же «Клыки».

Вырисовывалась занятная картина – столкновение «жуков» со «стрекозами». Причем «стрекоз» было на одну больше, да и технически они были совершеннее. Плюс – на их стороне была внезапность. Силы Коалиции Процветания не планировали встретить здесь подобного соперника. С другой стороны, оставалось неизвестным, что у них на уме и какова цель этого вторжения. Поэтому расслабляться не стоило.

А вокруг трех «бронзовок», как назойливая мошкара, вилось облако дронов. То есть, оно пыталось окружить, окутать собой «Гранты», как бы изолируя их от островной гряды и мешая высадиться. Получалось у них это плохо, так как «бронзовки» старались не подпустить навязчивую «мошку» к себе, ведя по ним огонь из пушек и крупнокалиберных пулеметов. Что нельзя было назвать очень эффективным решением – все же, попасть по дрону было нелегко. И только из-за массовости периодически удавалось уничтожать некоторые из них. Это был странный бой. Чисто в теории, дроны не могли нанести «Грантам», настоящим летающим крепостям, особого вреда (по бронированию те превосходили технику ССФ, и это не считая активных систем защиты). Даже выхлоп двигателей боевых аппаратов мог нанести рою непоправимый урон, если тот приблизится вплотную.

Несмотря на это, боевые аппараты Коалиции не отмахнулись от назойливой «мошки», а вступили с ней в бой, при этом стараясь не дать себя окружить. Возможно, их пилоты не

ожидали оказания сопротивления со стороны Маркизских островов, к тому же – такого специфического, и были сбиты с толку. Подобное объяснение было притянuto за уши, но другого пока не существовало. Тем проще становилась миссия отряда ССФ. Оставалось надеяться, что пресловутый «Велес» не начнет преследовать и их, мешая выполнению задания.

— Говорит майор Кубанов, силы ССФ, — произнес Владимир, и голос его, будто струя воды, полетел в направлении «Грантов». По крайней мере, так себе это представила Янтарь – она прямо узрела поток информации, текущий к противнику. Как, однако, причудливо трактовал человеческий мозг машинные данные. Более того, девушка осознала, что может делать с этим потоком все, что ей захочется. Такова была роль мехэмпата. Но сейчас было не время вмешиваться. — Вы осуществляете незаконную деятельность в воздушном пространстве суверенных Маркизских островов. Предлагаю незамедлительно прекратить боевые действия и выйти с нами на контакт.

Все три «Гранта» уже были захвачены системой наведения ЗАСЛОНа. По сути, каждый из «Клыков» наводился на цель самостоятельно, но с точки зрения мехэмпата все они представляли одно целое. В этом и был громадный плюс – возможность действовать по отдельности и сообща одновременно. Судя по всему, боевые аппараты противника переговаривались между собой, как и должно было быть, – Яна ощущала легкие, как дуновения ветра, почти не ощутимые с разделявшего их расстояния потоки информации. Но ответа на заявление Кубанова не было.

— Молчат. Ожидаемо, — это был Илья. — Готов к прямому столкновению, шеф.

— Сближаемся дальше, ты знаешь, что делать, — ответил ему Владимир, а затем снова переключился на внешний диапазон связи. Пока никакой реакции противника на его слова, выражающейся хоть в каком-то изменении их действий, не наблюдалось.

— Повторяю, прекратите боевые действия. Маркизские острова под защитой ССФ. Немедленно прекратите агрессию и выходите на связь!

«Гранты» противника его явно слышали, и теперь их поведение изменилось. Не в лучшую, но предсказуемую сторону. Перестроившись, боевой аппарат, несший полную боевую нагрузку, то есть главная ударная сила противника, развернулся в их направлении с явно недружелюбными намерениями. Хотя силы были не равны – трое против четверых, силы Коалиции Процветания были явно не намерены сдаваться или вступать в переговоры.

Тут же «Клык» Ильи перешел в режим суперфорсажа. «Нет», — заявила система ЗАСЛОНа. «Да», — ответила Яна, отменяя директиву ИИ. Не один раз, тренируясь со своим новообретенным отрядом, она репетировала эту ситуацию. Илья был опытным пилотом, одним из дерзких любителей рисковать, у кого в крови пылало непримиримое пламя азарта. С одной стороны, это было не очень хорошо и не приветствовалось. С другой – он прочно занял в отряде свою нишу, первым идя в атаку и отвлекая системы наведения противника на себя, когда остальные прикрывали ему спину. Это была их тактика. Противник не догадывался, что атакующего вооружения на этом «Клыке» было не много, его заменили дополнительными устройствами активной защиты.

Илья был из тех, про кого рассказывал Гриднев. В начале боя он неизменно переводил свой аппарат в ручной режим управления, освобождаясь от опеки ЗАСЛОНа. Потому что ЗАСЛОН подобных вольностей ему бы не позволил. Скажем, суперфорсаж – режим максимального ускорения на пределе, теоретически связанного с риском как для аппарата, так и для здоровья пилота, – использовался в критических, безвыходных ситуациях, к которым начало боя не относилось. Однако Илья часто начинал атаку именно с него – и Яна об этом прекрасно знала. Поэтому у них был уговор – Илья не переходит на «ручное», оставаясь под защитой системы, а она берет на себя остальные риски и выдачу разрешений. Что и было сделано.

От «Гранта» к головному «Клыку» полетело несколько красных, злых искр. Четыре штуки. Это противник открыл по нему огонь ракетами с автоматическим наведением. Почти

не медля, Илья приказал нейтрализовать их путем обстрела снарядами «Шторм-З». «Подтверждаю», — пошла команда от Яны, и система начала расчет наведения. На все четыре ракеты хватало два снаряда «Шторм-З». Возможно, получилось бы обойтись и одним, но это был огромный риск, не оправданный, пока не было дефицита боеприпасов. Поэтому двух хватит в самый раз.

Ракеты противника должны были бы поразить боевой аппарат Илья примерно через шесть секунд, но по прошествии трех, когда их траектории стали ясны и просчитаны, навстречу им устремились два расширяющиеся залпа — облака «Шторма». Орудия остальных трех аппаратов пока молчали — угроза была не настолько серьезна. Можно было не сомневаться — если Илья окажется в реальной опасности, то Володя и Паша успеют прийти ему на выручку. Да и Дитера, у которого была своя узкая задача, со счетов списывать было нельзя. Но пока все было под контролем — один на один у «Гранта» противника против Илья шансов не было, а остальные два в бой не вступали — возможно, их и правда готовили для десантирования. Оставалась не ясна роль катеров, но пока их возможность повлиять на исход схватки была сомнительна — серьезное вооружение, готовое к бою, РЛК РОП давно бы опознал.

Выстрел «Шторм-З», с точки зрения Янтарь, и правда больше всего походил на грозное облако, расширяющееся и летящее вперед, навстречу кровавым огням вражеских ракет. Кассетный заряд «Шторм» представлял собой передовое вооружение, в нем находилось множество миниатюрных излучателей, разлетающихся в широком радиусе, как облако, и создающих между своими элементами электромагнитное поле высокой напряженности. Попадая в облако «Шторма», вся электроника выходила из строя, как при поражении мощным электромагнитным импульсом, а управляемые боеголовки нейтрализовались и подрывались вдали от цели. Ни одна из существующих ракет, ни один из снарядов, обладавших системой наведения и управления, не могли преодолеть «Шторм». Оставалось надеяться на неуправляемые системы поражения, применяемые на близких дистанциях, против большей части которых «Шторм» был бесполезен, но тут в дело вступали броня с активной защитой, преодолеть которую было непростой задачей.

«Шторм-З» был защитной модификацией вооружения, эффективной на расстояниях до пяти километров и создающей довольно объемное облако из электромагнитных генерирующих элементов. Еще существовал «Шторм-А» — наступательная модификация, прицельно бьющая на пятнадцать километров, но более точно, концентрированно. Она использовалась для выведения из строя объектов врага без нанесения серьезного урона конструкциям и живой силе. Конечно, попади заряд «Шторма» в незащищенного ничем человека — тому сразу пришел бы конец. Но для того, чтобы устроить кровавую баню, имелись куда более простые, а главное — эффективные и мощные средства поражения. И не в духе ССФ был подобный террор. А пилотам боевых аппаратов и иной техники, укрытым в стальном чреве, это оружие, как правило, большого вреда не наносило.

Четыре вспышки осветили грозные облака, развеяв их клубами. Ракеты противника были потрачены впустую, не долетев до своей цели пары километров. И тут же им вслед были запущены еще четыре, будто проверяя незваного гостя на прочность. Но у «Клыка» Илья, который уже был готов к маневрированию в ближнем бою, имелся достаточный запас снарядов «Шторм-З». Уже после второго отстрела ракет противники начали резкие маневры, все трое, — они наконец осознали, что сближение идет на суперфорсаже, очень быстро. Атаковавший их «Грант» развернулся и тоже взял курс на сближение, понимая, что хоть какие-то шансы у него имеются только в ближнем бою. Теоретически, своей крупнокалиберной пушкой он мог подпортить «шкуру» не сильно бронированным боевым аппаратам ССФ. Остальные два «Гранта», выпустив вереницу снарядов, взмыли вверх.

— Уходят, уходят! — сообщил Павел. — Заградительными огонь ведут, отстрелялись и мотают! Отпустим?

— Отпускаем, не заигрываемся. Сажаем того, борзого.

Под «борзым» Кубанов имел в виду, конечно, «Грант», атаковавший их головную машину. Пока все было по плану, то есть, главной целью была попытка захвата его пилота для допроса. От Петра сигналов не поступало, а значит, катера угрозы не представляли, иначе бы тот давно доложил. Вызывать его сюда тоже смысла не имелось, ведь противник, по сути, пытался сбежать. Пусть сбегает, однако отпускать всех троих намерения не было.

Илья уже почти вступил в ближний маневровый бой с противником. Тому, видимо, было приказано прикрывать отход двух аппаратов с десантом на борту, да и выбора уже не оставалось. Разорвать контакт на такой дистанции силами одного единственного аппарата, без поддержки, было уже невозможно. Даже странно, что отряд Коалиции был так плохо подготовлен к этой миссии, так легко сдал свои позиции и вообще не создал серьезной угрозы. Скорее всего, они просто не рассчитывали на какое-либо сопротивление, тем более на встречу с машинами ССФ, надеясь на легкую прогулку. Ведь местным было совершенно нечем обороняться.

Пока машина Ильи отвлекала на себя внимание, «Клыки» Владимира и Паши произвели выстрелы снарядами «Шторм-А», всего было сделано шесть залпов, в расчете, что хоть один попадет в цель на таком расстоянии. Прогноз поведения цели делал ЗАСЛОН, он же корректировал курс головной машины, чтобы та не оказалась под дружественным огнем. И тут Яна опять вступила в дело, немного скорректировав прогноз, который предполагал, что противник может отступить. Нет, не может, она это чувствовала и видела, несмотря на варианты, заложенные в программу ИИ. То ли от безысходности, то ли следуя приказу, этот последний «Грант» не собирался скрываться и сражался до последнего. Остальные же два, набрав большую высоту, уходили на максимальной скорости, не помогая товарищу. Их никто не преследовал.

С точки зрения Яны Рагимовой, картина окружавшего мира была настолько же сюрреалистичной, насколько и впечатляющей. Ничего подобного на тренировках, вроде бы мало чем отличающихся от реального боя, она никогда не видела и не ощущала. Тут и природа Маркизов была виновата, подобных пейзажей в тренировочную симуляцию не закладывали.

Вулканические горы, с их углами, шпилями и перекатами, кое-где матовые, покрытые зеленью, а местами – странно блистающие. Восприятие человека и машины смешались воедино, делая картинку более резкой, чересчур детализированной, но меняя ее суть. Казалось (а может, и не казалось), что видеть она может не только поверхность, зелень, камни и песок, но и то, что под ней, внутренние слои, само естество гор. А над всем этим нереальным пейзажем творилось безумство. Грозовые облака, уже не стройные, рваные в клочья, с тлеющими и догорающими кусками плоти вражеских ракет, были разбросаны повсюду. Сейчас к ним добавились сияющие фейерверки заградительных ракет – не сильно яркие, но торжественные, мешающие обнаружению радарам техники Коалиции, «загрязняющие» пространство своим излучением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.